

Раб с сознанием Бога

Vladislav Shimin

Vladislav Shimin

Раб с сознанием Бога

«Автор»

2026

Shimin V.

Раб с сознанием Бога / V. Shimin — «Автор», 2026

2026 год. Небо полыхает в огне Третьей мировой. Шаг в ядерную аномалию должен был стать концом, но стал прыжком на шесть веков вперед. 2610 год. Земля превратилась в технологический концлагерь, замаскированный под глухое средневековье. Бывший военный аналитик приходит в себя на самом дне этого мира — в изрубленном кайлами карьере, в теле бесправного раба по имени Олег. Вокруг — удушливая пыль, надсмотрщики с дубинками и первобытный страх. Но этот примитивный ад подчинен строгому, холодному расчету. Бесшовные монолиты бараков, невидимые силовые ограждения и пугающая цель добычи камня кричат о том, что рабством управляет высокотехнологичный кукловод. Чтобы выжить, герою придется до конца отыграть роль сломленного работяги, задействовать всю логику выживания и выяснить: кто и зачем стер человеческую цивилизацию в пыль?

© Shimin V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Эпицентр поглощения	5
Глава 2. Диссонанс чужой плоти	9
Глава 3. Холодная логика забоя	11
Глава 4. Списание	13
Глава 5. Формула сопротивления	16
Глава 6. Коридор сквозь хаос	19
Глава 7. Пепел над руинами	21
Глава 8. Цена покорности	23
Глава 9. Иллюзия безопасности	25
Глава 10. Тайное сияние карьера	28
Глава 11. Маршрут во мраке	31
Глава 12. Тайны скрытого монолита	35
Глава 13. Пробуждение «Genesis»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Vladislav Shimin

Раб с сознанием Бога

Глава 1. Эпицентр поглощения

В теплый безветренный день мы стояли на вершине высокого холма. И смотрели вдаль на зелёные поля этой холмистой местности. В нескольких метрах позади нас замер большой новенький внедорожник, к которому был прицеплен стандартный промышленный генератор на колесной базе. Он тяжело и надсадно гудел, наполняя воздух низкочастотной вибрацией.

У открытого багажника Кристина и Лена — наши жены — сосредоточенно настраивали технические консоли, фиксируя минералы в пазах и стягивая их силовыми кабелями.

— Уходит! Частота рвется! — Лена до крови вцепилась в грань черного турмалина. Экран планшета лихорадочно мигал, отбрасывая на ее лицо резкие блики. — Излучатели сгорят, Крис!

— Держи контур! — Кристина с силой вдавила контакт в паз. В воздухе резко запахло озоном и жженой изоляцией. — Кварц в верхний слот! Вжимай!

— Закоротит! — выдохнула Лена.

— Заземляй! Не отпускай цепь!

Лена судорожно выдохнула, кивнула и с силой вдавила кристалл в слот. Собранный схема тут же отозвалась низким, пугающим гулом рабочего напряжения.

Из открытого окна внедорожника, прорезая неестественно густую тишину холма, сквозь треск статических помех пробивался взволнованный голос диктора: «...астрономы подтверждают беспрецедентную траекторию. Сегодня 23 сентября 2026 года аномальный объект огромной массы проходит в непосредственной близости от нашей планеты. Объект движется на критически близком расстоянии от планеты...»

Радио захлебнулось долгим электрическим хрипом и окончательно замолкло. Воздух над холмом стал вязким. Птицы исчезли, ветер замер. Абсолютный штиль давил на барабанные перепонки.

Мы с Максом стояли у самого края обрыва, сжимая в руках направленных излучателей. Спиной я чувствовал ровную, мощную пульсацию работающего оборудования и жар, исходящий от генератора. Мы молча смотрели вдаль, на безмятежную зелень полей.

— Как ты думаешь, мы не ошиблись в расчетах? Это точно произойдет здесь? — с тревогой спросил Максим.

— Здесь. Мы все рассчитали точно. Потоки сойдутся именно в этой точке

— Как скоро это произойдет? — спросил я его.

— Уже совсем а если точнее... — он сглотнул, не отрывая взгляда от циферблата. —

Прямо сейчас.

В этот момент пространство над долиной издало звук, похожий на треск рвущейся ткани. Небо исказилось, и сквозь невидимый разлом в нашу реальность начала вываливаться тьма.

Это была пульсирующая субстанция, похожая на живую кипящую смолу. Она обрушилась вниз, и зеленая долина начала мгновенно исчезать под ней. Масса стремительно расширилась, в буквальном смысле пожирая органику, переваривая всё живое на своем пути.

— Мы на грани возможного, но должны это остановить! У нас нет выбора! — твердо произнес я, крепче перехватывая тяжелый излучатель.

— Держи фокус! Бей в самые плотные скопления, не давай ей расползтись! — крикнул Макс.

Мы одновременно заняли позиции. Толстые кабели за нашими спинами натянулись, гудя от колоссального напряжения. Я расставил ноги на ширине плеч, жестко фиксируя прибор.

Раскаленный ток генератора пошел по силовым кабелям прямо в приборы, до предела раскаляя внутренние контуры излучателей, и с ревом вырвался через линзы. Две ослепительные дуги ревущего плазменного огня ударили в центр надвигающейся массы.

Субстанция содрогнулась. Воздух наполнился оглушительным скрежетом. Только получив этот энергетический удар, тьма проявила свою осознанность. Она поняла, что в центре ей грозит гибель, и начала извиваться, пытаясь уйти из-под облучения.

— Она обходит! — кричал Макс. Луч в его руках начал смещаться. — Она ищет лазейку!

Субстанция, продемонстрировав хищный разум, перестала просто жрать зелень перед собой. Она заполняя все вокруг начала окружать холм широким кольцом, затекая нам в тыл — туда, где находился источник энергии. Тьма целенаправленно двигалась к генератору и консолям, которые удерживали Кристина и Лена, чтобы перерубить наше питание.

— Кристина, назад! — крикнул я, отчаянно пытаясь довернуть тяжелую установку вслед за наползающей тенью.

— Мы не уйдем! — звонко отозвалась она. — Без нас система рухнет!

В этот момент черная масса начала генерировать мощнейшую вибрацию. Земля под ногами заходила ходуном. От дикой тряски и перегрузки зажимы на консолях начали срываться. Камни в схеме стали выходить из слотов, разрывая стабилизирующую цепь.

— Они вылетают! — в голосе Лены слышался первобытный ужас. — Крис, фиксаторы не держат!

Я мельком скосил глаза. Обе женщины бросились к панелям консолей. Они навалились на оборудование, вручную вжимая вылетающие минералы обратно в слоты. Вибрация была такой силы, что установки трясло. Черная лава была уже в паре метров от них.

Кристина и Лена пошли на крайний риск. Задыхаясь от пыли и едкого дыма плавящейся пластмассы, они до боли в пальцах удерживали деформированный рычаг ручного пуска, не давая контуру разомкнуться.

В излучателях столкнулись две силы — мертвая, давящая тяжесть черной массы и энергия генератора. Физическое давление от отдачи было таким, будто в грудь вбили стальной лом, ребра едва не треснули от тяжести приборов и акустического удара.

Сформированный, многократно усиленный заряд с воем вырвался из линз наших установок. Этот поток врезался в самые глубокие слои черной массы.

Субстанция издала пронзительный звук, похожий на стон сминаемого металла. Электромагнитное давление буквально расплющило аномалию. Под воздействием мгновенного энергетического шока черная слизь начала стремительно терять цвет и покрываться твердой коркой. Тьма, уже нависавшая над Кристиной, превратилась в безжизненную серую скалу в долю секунды.

Процесс пошел лавинообразно. Пульсация сменилась мертвой статикой. Угроза кристаллизовалась, превращаясь в монолитный массив темного, спекшегося камня.

Поток иссяк. Автоматика генератора со щелчком отключилась, уйдя в аварийный сброс. Тишина обрушилась на холм, как физический удар. Тело рухнуло на траву, но это уже не имело значения — грань между реальностью и небытием стремительно стиралась. Отчаянный крик Кристины стал последним отголоском, пробившимся сквозь густую пелену. Дальше не было ни света, ни мыслей, ни попыток удержаться. Только абсолютная, безмолвная пустота. В этот момент пространство над долиной издало звук, похожий на треск рвущегося толстого корабельного паруса. Небо исказилось, пошло крупной рябью, и сквозь эту колоссальную пространственную прореху в нашу реальность начала вываливаться тьма. Это была разрастающаяся, пульсирующая субстанция, не имеющая четких границ. Похожая на живую, кипящую смолу,

она обрушилась вниз. Зеленая долина начала мгновенно исчезать под ней. Масса стремительно расширялась, пожирая органику, перерабатывая физический мир в ничто.

— Мы должны это остановить, иначе оно поглотит всю планету, — произнес я.

— Серега, ты думаешь мы справимся? Ведь мы даже не знаем что это! — Макс сделал полшага назад, с ужасом глядя на волну, которая уже начала пожирать подножие нашего холма.

— Точно справимся. У нас нет выбора! — твердо ответил я.

— Но что нужно делать?! — в его голосе сквозила откровенная паника.

— Будем делать то, что умеем. Держи фокус! — рявкнул я, вырывая его из оцепенения.

Мы одновременно заняли позиции. Я расставил ноги на ширине плеч, жестко фиксируя стойку. Сзади ощущалась ровная, успокаивающая пульсация заземляющего контура, который держали жены. Я закрыл глаза, полностью останавливая внутренний диалог. Никаких мыслей, только чистая проводимость. Внимание ушло на макушку.

Удар нисходящего космического потока был такой чудовищной силы, что тело рефлекторно выгнулось струной. Колоссальный, обжигающий столб чистой энергии вошел в темя. Каждая клетка тела завибрировала на пределе разрыва. Поток раскаленной плазмы скользнул по позвоночнику, разделился в плечевом поясе и с ревом вырвался через центры раскрытых ладоней. Два луча невероятной плотности ударили в надвигающуюся массу.

Субстанция содрогнулась от столкновения. Воздух наполнился оглушительным низкочастотным гулом. Она попятилась, сжимаясь, словно от ожога. На какую-то долю секунды мне показалось, что мы пробили ее структуру. Но тьма не исчезла. Наш энергетический поток вяз в ней, как в бездонном болоте. Она начала адаптироваться к нашим вибрациям, перестраиваясь и разделяясь на несколько широких потоков.

— Она обходит нас! — закричал Макс. Луч в его дрожащих руках начал мерцать и истончаться. — Она чувствует угрозу!

Субстанция, словно обладающая примитивным, но изворотливым разумом лава, начала окружать холм широким кольцом. Она поняла, что не может пробиться в лоб, и начала искать слабое место. Почувствовав, откуда идет стабилизирующий сигнал заземления, масса резко изменила направление. Она начала затекать нам в тыл, двигаясь прямо к машинам, туда, где Кристина и Лена удерживали камни.

— Кристина, назад! — крикнул я, не имея возможности обернуться, так как удерживал основной фронт потока.

— Мы не уйдем! — отчаянно отозвалась она. — Если мы бросим камни, вы сгорите изнутри!

В этот момент «НЕЧТО» начало генерировать мощнейшую, разрушительную вибрацию. Земля под ногами заходила ходуном. Это был не просто гул — инопланетная субстанция целенаправленно била по частотам минералов, разрушая их резонанс. Камни в выложенном контуре начали «ползти», разъезжаясь в разные стороны под воздействием наведенной дрожи.

— Они рассыпаются! — в голосе Лены слышался первобытный ужас. — Кристина, я не могу их удержать, они как живые!

Я мельком скосил глаза и увидел, как обе женщины упали на колени, буквально накрывая разъезжающиеся камни своими телами. Они вжимали их в землю, сдирая кожу на ладонях, чтобы не дать защитной схеме окончательно разрушиться. Вибрация земли была такой силы, что их самих подбрасывало на месте. Черная лава была уже в паре метров от них, стягивая кольцо, готовясь поглотить и женщин, и их импровизированный «якорь».

— Макс, сейчас! На полную! — закричал я, чувствуя, как внутри всё закипает.

Кристина и Лена, преодолевая дикую вибрацию и страх, пошли на крайний шаг. Они замкнули поток на себе. Открыв нижние центры, они пропустили глубинную энергию земли через свои тела и направили этот плотный поток нам прямо в спины.

В центре моей груди столкнулись два потока — ледяной космос и раскаленное ядро планеты. Боль была такой, будто в меня вбили раскаленный стальной лом. Ребра едва не треснули от колоссального внутреннего давления. Сформированный, многократно усиленный двойной заряд вырвался через наши ладони. Это был уже не просто луч, а широкая, ослепительная ударная волна.

Новый поток врезался в черную массу со всех сторон. Субстанция издала пронзительный скрежет, визжа от невыносимого эфирного давления. Волна энергии буквально расплющила аномалию. Черная слизь начала стремительно терять цвет, мутнеть и покрываться твердой коркой. Волна тьмы, уже нависавшая над Кристиной и готовая обрушиться на машины, превратилась в безжизненную серую скалу в долю секунды.

Процесс пошел лавинообразно, захлестывая всю долину. Пульсация сменилась мертвой статикой. Угроза кристаллизовалась, превращаясь в монолитный массив темного, мерцающего изнутри камня.

Поток иссяк так же резко, как и начался. Тишина обрушилась на холм, как физический удар.

Я стоял еще мгновение, совершенно не чувствуя ни рук, ни ног. Внутри, на самом глубоком, микроскопическом уровне, происходило что-то пугающее и необратимое. Я чувствовал, как пропущенная энергия переписывает мои клетки, сжигая привычную человеческую природу и заменяя ее чем-то иным — вечным, холодным и чужим. Но силы покинули меня гораздо раньше, чем разум успел осознать эти перемены.

Грудь сдавило так, словно на нее рухнула скала. Воздух со свистом вырвался из легких, и новый вдох сделать так и не удалось. Тело стало невыносимо тяжелым, словно превращаясь в такой же монолит, как и горы вокруг. Глаза мгновенно застлала плотная белая пелена, стирая очертания бегущих ко мне женщин. Я повалился навзничь на выжженную, покрытую пеплом траву. Испуганный крик Кристины донесся словно из-под толщи воды, а затем резко оборвался. Мир вокруг окончательно погас, погружая мое замершее, лишённое всякого движения тело в абсолютную, безмолвную пустоту.

Глава 2. Диссонанс чужой плоти

Абсолютная, безмолвная пустота внезапно раскололась от пронзительного звона в ушах и пульсирующей, разрывающей череп боли. Темнота отступила, разорванная яркой, ослепляющей вспышкой полуденного солнца. В нос ударил едкий, сухой запах каменной пыли, застарелого пота и ржавого железа. Тело казалось неподъемным монолитом, каждая мышца налилась тяжестью свинца.

— Олег! Очнись, ну же! Давай, дыши! — звонкий, надсаженный девичий голос ворвался в сознание, перекрывая звон в ушах.

Я с трудом разлепил тяжелые, засыпанные серой крошкой веки. Надо мной склонились несколько измазанных грязью лиц. Среди них были и женщины с волосами, наспех спрятанными под грубые повязки. Грубые, обветренные черты, глубокие морщины, в которые вьелась каменная пыль. На них была надета простая потёртая грубая одежда, насквозь пропитанная потом.

Чьи-то жесткие, мозолистые руки приподняли меня за плечи, усаживая на холодную каменную крошку. Шершавая фактура колотого камня больно впилась в ладони.

— Слава богам, живой! — выдохнула совсем молодая девушка, вытирая пот со лба рукой. Другой рукой она судорожно зажимала глубокий порез на предплечье — осколок скалы распорол ей кожу, и сквозь грязную тряпку толчками сочилась кровь. — Мы уж думали, всё, отмучился.

— Что... что случилось? — мой собственный голос прозвучал глухо и надтреснуто.

Разум затопила волна дикого отторжения. Где зеленая долина? Где Макс и Кристина? Эта пыльная, пропахшая потом и кровью яма казалась дурным сном. Мозг судорожно пытался вырваться обратно, к пульсации спасительного энергетического контура, отрицая саму возможность нахождения здесь.

— Скала обрушилась! — возбужденно заговорила женщина постарше, указывая куда-то вверх мозолистым пальцем. — Прямо над тобой пласт породы пошел! Мы еле отскочить успели, Лину вон осколком зацепило, а ты замешкался. Один из камней отлетел и прямо тебе по голове ударил! Ты как рухнул, мы думали — насмерть зашибло. Лежишь, не дышишь, белый как мел.

Я медленно потянулся к затылку. Пальцы нащупали липкую, горячую кровь, смешанную с каменным крошечком. Но дело было не только в ране. Я посмотрел на свою руку и снова ощутил этот тошнотворный приступ нереальности происходящего. Это были не те руки, из которых еще секунду назад вырывались лучи ослепительной космической энергии. Это были руки крепкого мужчины лет тридцати шести — огрубевшие от тяжелейшей работы и покрытые толстым слоем вьевшейся грязи. Под задубевшей, опаленной солнцем кожей перекатывались тугие, стальные жгуты мышц.

И в этот момент, пробиваясь сквозь тупую боль, в сознание начали просачиваться чужие образы. Тяжелые, вязкие воспоминания этого тела медленно наслаивались на мою личность, вызывая острый, тошнотворный диссонанс. Всего пять минут назад мой разум обладал безупречной аналитической ясностью, рассчитывая магнитные поля и структуру материи, а сейчас меня с головой накрывала память человека, который искренне считал себя тупым. Я — Сергей, и я всё еще кричал внутри от ужаса, отрицая этот мир, но «Олег» в нем давно жил. Его разум годами находился в густом, непроницаемом тумане. Я физически ощутил это унижительное, прочно вьевшееся чувство собственной неполноценности: как мысли вязнут и обрываются, не успев сформироваться, как тяжело дается каждое слово. Окружающие относились ко мне соответственно — как к бессловесной, скудоумной скотине. Память рабочего разворачивалась неотвратно: годы бесконечного труда, сбитые в кровь руки, тяжесть кайла и вьевшийся

страх перед теми, кто стоял наверху. Мое тело было наполнено первобытной, неиссякаемой силой, я легко ворочал в забое каменные глыбы, которые не могли сдвинуть втроем здоровые парни, и махал кайлом от рассвета до заката. Но всё это делалось в пугающем, неестественном оцепенении. В силе и выносливости я с легкостью давал фору любому каменотесу в карьере, что немало пугало местных надсмотрщиков, однако для всех я оставался лишь сильным, туго соображающим полудурком, которому нужно просто указать пальцем на скалу.

Я огляделся, шурясь от боли и солнца. Вокруг была вырыта огромная, широкая яма карьера, но людей в ней было пугающе мало. В этом бескрайнем каменном мешке трудилось всего пять или шесть изможденных человек. Редкие, разрозненные удары тяжелых железных кайлов и кирок по серой породе гулким, одиноким эхом разносились в пустом воздухе. Неподдалеку надрывно скрипела примитивная металлическая тачка на кривых колесах, в которой двое рабочих с натугой тащили отколотые куски скалы.

Мой взгляд, зацепился за разлом скалы. Там, в глубоких трещинах серой породы, пульсировало слабое свечение руды. Я явственно ощущал скрытую, запертую внутреннюю энергию камня, его древнюю, плотную структуру, резонирующую на самых низких частотах. Мир казался полупустым, словно человечество почти вымерло. Здесь не было абсолютно никаких технологий. Ни единого провода, ни гула двигателей, ни электрических ламп, ни пневматических буров. Никаких новеньких внедорожников или смарт-часов, которые я только что видел в своем видении. Мир был сведен к самым примитивным законам выживания: мускульная сила, железо, дерево и камень. Воздух был девственно чист от любых химических выхлопов.

— Давай, попей, — девушка протянула мне выдолбленную из дерева кружку с теплой, мутноватой водой, стараясь не делать резких движений раненой рукой.

Я сделал глоток, чувствуя, как вода смывает пыль с пересохшего горла. Всё это время высоко наверху, у самого края отвесного обрыва скалы, неподвижно замерли две фигуры. Два надсмотрщика крайне недовольно и холодно наблюдали с высоты за образовавшейся заминкой в нашем забое.

Внезапно к нашей небольшой кучке сбивчивым, торопливым шагом подбежал мастер — руководитель нашей бригады, такой же покрытый каменной пылью рабочий, изо дня в день деливший с нами этот карьер.

— Быстро расходимся! — зашипел он, испуганно косясь наверх. — А ну, взяли инструмент и работаем! Живо, пока надсмотрщики не спустились и не лишили всех вечерней пайки! По местам!

Рабочие тут же в страхе шарахнулись в разные стороны, хватаясь за свои лопаты и кирки. Я мягко отстранил здоровую руку молодой девушки, которая попыталась мне помочь, легко оперся на черенок и одним плавным, пружинистым движением поднялся на ноги. Я поднял свое тяжелое кайло и с размаху вонзил его в серую породу, тут же вливаясь в общий ритм работы.

Рядом со мной, в паре шагов, надрывались двое рабочих, нагружая тачку обломками скалы. Сквозь звонкий металлический лязг железа о камень я отчетливо уловил их сдавленный, полный суеверного трепета шепот:

— Ты видел, какой камень рухнул ему на голову? — бормотал один, не смея поднять глаз от земли. — Там же глыба пудовая была! — Видел... — так же тихо отвечала женщина, с опаской косясь в мою сторону. — После такого не выживают. Череп должно было в крошку расколоть. А он... вон, машет кайлом, как ни в чем не бывало. Будто и не было ничего.

Я молча продолжал ритмично бить по камню. Был апрель 2610 года. Чужие воспоминания окончательно заняли свое место, и я с ледяющей ясностью осознал, что мне придется выживать по законам этого нового, примитивного мира.

Глава 3. Холодная логика забоя

Не прошло и нескольких минут с того момента, как я поднялся на ноги и взялся за кайло, а жестокая реальность этого места уже потребовала полной отдачи. Звон в ушах еще не прошел окончательно.

Марта, дородная баба, которая раньше работала с Линой, неожиданно остановилась. Она отбросила свой камень, вытерла грязные руки о передник и споро замахала киркой уже в паре с моим бывшим напарником — угрюмым Кузнецом.

— Слышь, Олег, — Марта бросила короткий взгляд через плечо, не прерывая работы. — Мы теперь с Кузнецом в паре. Нам нормальная пайка нужна.

— Вы чего? — Лина растерянно прижала к груди порезанную руку. — Вы же видели, нас камнями задело...

— А того! — буркнул Кузнец, с силой вонзая инструмент в камень. — Выработка на пару считается. Если я буду пахать за двоих, а ты — одной рукой ковыряться, мы оба к вечеру зубы на полку положим. Нам с Мартой своя пайка дороже. Мы сами по себе, вы — сами.

Они отвернулись, полностью отгородившись от нас ритмичным стуком железа о камень. Мы остались вдвоем против нормы, рассчитанной на двух здоровых людей.

Лина поникла плечами, но молча потянулась за очередным камнем. Когда мы наполнили нашу тачку и попытались сдвинуть её с места, старая ось, и без того погнутая недавним обвалом, издала пронзительный металлический визг. Колесо дернулось и намертво заклинило, глубоко вгрызаясь в каменистую крошку.

Бригадир тут же оказался рядом. Он снова испуганно скосил глаза наверх, туда, где у самого края отвесного обрыва неподвижно замерли две фигуры надсмотрщиков.

— Вываливайте всё здесь! — нервно зашипел он. — Тащите пустую наверх к ячейке! Живо!

Лина судорожно выдохнула. Она попыталась взяться за край короба своей замотанной в грязную тряпку рукой. В этом проклятом месте не было места слабости: не можешь тянуть — умрешь.

Но на кончиках моих пальцев, глубоко под слоем ввевшейся каменной пыли, всё еще жило фантомное тепло. Я отчетливо помнил, как обнимал Кристину там, на вершине высокого холма, подставив лицо теплomu ветру. Помнил запах ее волос и спокойную зелень полей, уходящих за горизонт, за мгновение до того, как небо начало чернеть. Это воспоминание билось в висках, диссонируя с едким запахом пота и крови. В моем мире, в мире Сергея, раненых женщин не заставляли рвать жилы.

Я шагнул вперед, отесняя Лину от тачки. Она инстинктивно вжала голову в плечи, ожидая грубости, но я молча перехватил деревянные ручки так, чтобы весь перекошенный вес железа лег только на мои плечи.

— Я сам, — коротко бросил я. Мой голос прозвучал непривычно глубоко и спокойно. — Просто иди рядом.

Она вскинула на меня удивленный взгляд — в этом месте никто не брал на себя чужую тяжесть просто так. Лина открыла рот, готовясь крикнуть, чтобы я не дурил, но слова застряли у нее в горле. Наши взгляды встретились.

Она смотрела в мои глаза и не находила в них привычной пустоты сумасшедшего Олега. Там был острый расчет и мужская уверенность. В её глазах мелькнул испуг, но это был трепет перед незнакомой, пугающей силой. Спорить она не стала. Здоровой рукой Лина лишь слегка придерживала край тачки, помогая маневрировать на острых каменных выступах серпантина.

По пути мы проходили мимо огромных контейнеров для породы, расставленных на техническом уступе. Я смотрел на эти исполинские машины, доверху забитые камнем. Моя память

старого рабочего подсказывала, что они стояли здесь всегда. Но сейчас, с пробудившимся аналитическим разумом, всё казалось иным.

Мы добрались до металлического короба-ячейки, намертво вмурованного в скалу. Я потянул за рычаг дверца со скрежетом ушла в сторону. Внутри уже стояла исправная тачка.

Я выкатил её на площадку и замер. Вместо того чтобы сразу развернуться к забою, я медленно провел огрубевшими пальцами по холодному металлу борта, пристально ощупывая царапины. Буквально вчера мы сдавали здесь тачку с глубоким сколом справа. Здесь вмятины ложились совершенно иначе. Это была не отремонтированная, а совершенно другая вещь.

Мы затолкнули нашу сломанную тачку внутрь контейнера, и я с лязгом закрыл створку.

— Лина, посмотри на неё, — мой голос прозвучал отстраненно, слишком глухо и ровно для человека, который только что чудом избежал смерти. Я даже не смотрел на девушку, продолжая изучать металл. — Это не та вещь. Кто её сюда поставил? Вчера здесь был совсем другой лом.

Она устало вытерла пот со лба, тяжело дыша: — Ну... может, рабочие из других секторов... Порядок такой — поставил сломанную, достал целую.

Я медленно повернулся и указал вниз, на контейнеры с породой.

— А камень? Кто перетаскивает эти огромные махины? Посмотри под ноги, здесь нет рельсов или следов техники. Зато на бортах есть вертикальные царапины. Как это вообще происходит?

Лина резко подалась ко мне. Теперь в её глазах был не просто испуг перед надсмотрщиками, а настоящий, пронзительный ужас человека, осознавшего страшную правду. Она смотрела на мою голову, туда, куда совсем недавно пришелся удар каменной глыбы.

— Олег... тише, пожалуйста, тише, — зашептала она дрожащим голосом. Она протянула здоровую руку, робко коснувшись моего плеча, словно пытаюсь успокоить больного в бреду. В её тоне звучала отчаянная, почти материнская мольба. — У тебя просто в голове мутится после удара. Не надо об этом думать. На лошадях увозят, слышишь?

Она затравленно скользнула взглядом по верхнему уступу и вцепилась мне в рукав.

— Только не шуми. Помнишь Костыля два года назад? Он вдруг ни с того ни с сего начал странно себя вести, вопросы задавал всякие... Никто так и не понял, зачем и почему. А потом пропал, и больше его никто не видел. Пожалуйста, Олег, берись за ручки. Не лезь в это, умоляю.

Я смотрел в её расширенные, полные неподдельного ужаса глаза. В уголках скопились слезы отчаяния. Лина действительно верила, что я окончательно тронулся умом после падения той глыбы, и сейчас из последних сил пыталась уберечь меня от расправы. Её дрожащие пальцы всё ещё судорожно сжимали мой грязный рукав.

Я открыл рот, чтобы успокоить её, сказать, что мой разум ясен как никогда, а вопросы — лишь простая логика.

Но ответить я не успел.

Тяжелый, пропитанный каменной пылью воздух каменоломни внезапно разорвал резкий, леденящий кровь свист. Он хлестнул по ушам, заставив рабочих вокруг рефлекторно втянуть головы в плечи и замереть. Звук доносился прямо над нами — с того самого верхнего уступа, где на фоне серой породы выделялись фигуры надсмотрщиков в черной коже.

Глава 4. Списание

Звук доносился сверху. На фоне серой породы, у самого края обрыва, неподвижно высились фигуры надсмотрщиков в черной коже.

Наш бригадир побледнел так, что пятна грязи на его лице стали казаться черными дырами. Он судорожно сглотнул, бросил кайло и, спотыкаясь, бросился к хлипкой деревянной лестнице, прибитой прямо к отвесной скале. Доски жалобно скрипели под его весом, пока он карабкался на верхний технический уступ.

Мы с Линой замерли у пустой тачки. Я смотрел наверх, не опуская глаз, в отличие от остальных рабочих, которые в страхе утащились себе под ноги.

Бригадир добежал до надсмотрщиков и согнулся в подобострастном поклоне. Снизу слов было не разобрать, но язык тела говорил громче криков. Один из людей в черном коротко и резко что-то спросил. Бригадир закивал так часто, что едва не потерял равновесие. Затем надсмотрщик медленно поднял руку в плотной кожаной перчатке и вытянул указательный палец.

Он указывал точно на меня.

Краем глаза я заметил, как Лина перестала дышать. Её пальцы побелели, вцепившись в край тачки. Она была уверена — это конец. Дозадавался вопросов.

Бригадир снова закивал, развернулся и чуть ли не кубарем скатился по деревянным ступеням обратно в забой. Он подбежал ко мне, тяжело дыша. Его лицо выражало первобытный ужас, смешанный с полным непониманием происходящего.

— Бросай тачку, — хрипло выдохнул он, бегая глазами и боясь смотреть мне прямо в лицо. — Тебе приказано уйти. Возвращайся домой. Живо.

Лина рядом со мной тихо охнула. Уйти посреди смены? В каменоломне это означало только одно — домашний арест. Верная голодная смерть. Если ты не выработал норму, пайку тебе не дадут.

Я не сдвинулся с места.

— Домой? — я чуть прищурился, глядя на потного бригадира. — Хотите посадить меня на голодный паек? Я не отработал смену. Уйти сейчас — значит остаться без еды. Я никуда не пойду.

Бригадир побледнел еще сильнее. Он затравленно оглянулся наверх, где неподвижно стояли фигуры в черном, затем шагнул ко мне вплотную.

— Заткнись, дурак, ради всех богов, просто заткнись, — зашипел он одними губами, брызгая слюной. — Какая голодная смерть? Я всё устрою. Понял? Я сам вечером принесу твою пайку тебе прямо в барак. Полную. Только убирайся с глаз долой!

Я усмехнулся. Мои глаза сузились.

— Пайку? С доставкой на дом? — тихо, но с откровенным металлом в голосе переспросил я. — Насколько я помню здешние порядки, доставка еды до двери — это привилегия исключительно для высшего руководства. С чего вдруг такие почести для контуженного каменотеса?

Бригадир сглотнул. Он выглядел так, словно его сейчас хватит удар. Он сам не понимал логики приказа, но животный страх перед начальством перевешивал всё.

— Не задавай вопросов... — простонал он умоляюще. — Они так приказали. Иди домой, Олег. Иди, пока они не передумали и не решили эту проблему... иначе.

Я посмотрел на Лину. Она стояла ни жива ни мертва, прижимая к себе раненую руку. Оставить её здесь одну с этой проклятой нормой было жестоко. Но если я сейчас вступлю в открытый конфликт с системой, правил которой еще до конца не понимаю, мы погибнем оба.

Я медленно разжал пальцы, выпуская отполированные деревянные ручки тачки.

Стоило выйти из каменоломни, как адреналин испарился, сменившись свинцовой тяжестью и вспышками боли в затылке. Я добрал до дома на автопилоте, рухнул на кровать и мгновенно отключился, но темнота тут же взорвалась лихорадочными образами — в воспаленном мозге вновь активизировалась память Сергея.

Я увидел всё со стороны с пугающей, болезненной четкостью. Изолированная горная обсерватория, затерянная где-то высоко вдаль от цивилизации. Воздух в тесной аппаратной буквально искрил от электрического напряжения и животного страха. Максим, с совершенно безумным взглядом и всклокоченными волосами, яростно колотил по клавишам управления. На огромном центральном экране застыли вчерашние графики спектрального анализа, полученные с орбитального телескопа: вместо привычных плавных кривых на мониторе пульсировали рваные, неестественные пики. Они менялись в реальном времени, словно невидимый космический объект намеренно искажал свои данные в ответ на каждый поворот линз, играя с ними.

— Да отвечай же ты, работай! — в отчаянии хрипел он. За стеклом со скрежетом поворачивалась чаша параболической антенны. — Орбита мертва! Телеметрии ноль! Я кручу её вслепую!.

Рядом на столе надрывался открытый ноутбук. Громкость трансляции была выкручена на максимум:

— Срочный выпуск! Сегодня, 28 августа, системы раннего предупреждения зафиксировали массовые пуски межконтинентальных ракет. В связи с невозможностью перехвата всей армады, российское командование реализовало протокол «Чистое небо». Массированный кинетический удар стер спутниковую группировку в пыль, чтобы ослепить вражеские ракеты и лишит их навигации. Армада ракет дезориентирована и падает в случайных координатах!. Большая часть ракет даже не долетела до границы страны!.

Максим внезапно замер и дико обернулся к жене.

— Лена, ты понимаешь?! Оно еще вчера поняло, что мы его видим, и ослепило телескоп!. А ночью заставило их выколоть нам глаза окончательно, уложив спутники! Оно ослепляет нас их же руками прямо сейчас!.

Диктор из ноутбука, захлебываясь, продолжал выкрикивать сводки о полномасштабном столкновении с Европой и нападении Японии на Курилы. Экран то и дело заливало красными полосами экстренных сообщений.

В этой суматохе, оглушенная криками мужа и страшными словами из ноутбука, Елена вдруг замерла. Её взгляд остекленел, застыв на старом настольном телефоне, который годами стоял без дела. Мобильная связь была сейчас бесполезна. В этот момент она вспомнила. Номер в ящике стола, который профессор оставил «на самый крайний, невозможный случай». Канал связи с высшим военным командованием, предназначенный для докладов исключительной важности.

Максим снова бросился к пульту, а из динамиков ноутбука монотонный голос зачитывал сводку рушащегося мира:

— ...Ядерные удары на Ближнем Востоке. Индия начала массированное вторжение, полностью захватив Пакистан. Китай за считанные часы оккупировал Тайвань и высадил десант в брошенную американским флотом Японию, одновременно нанося удары по индийским флангам. В Западном полушарии Мексика официально объявила о союзе с государствами Южной Америки; объединенный фронт начал полномасштабное вторжение в южные штаты США. Канада вступила в войну на стороне Вашингтона, пытаясь удержать северный фронт. В Африке, после самоустранения мировых держав, возобновилась Великая африканская война. Континент охвачен кровавым переделом границ: стремительно формируются новые военные блоки, но из-за потери связи аналитики пока не могут разобраться, какие страны в них вошли и кто на чьей стороне — ситуация превратилась в полную неразбериху. Повсеместно введено

военное положение. На фоне массовой паники объявлена всеобщая мобилизация. Выезды из всех крупных мегаполисов перекрыты военными блокпостами, всё мужское население обязано немедленно пройти регистрацию в пунктах сбора...

Елена схватила трубку и начала вбивать длинный код. В трубке наконец щелкнуло.

— Командный пункт. Назовите код допуска! — раздался жесткий голос офицера на фоне непрекращающегося воя сирен.

— Слушайте меня! Код 74-Центр! — Елена сорвалась на визг. — Объект близко! Это направленное излучение! У нас есть вчерашние доказательства с орбитального телескопа, спектр реагирует на нас!

— Повторите данные об объекте, — голос офицера на секунду стал собранным. — Какой сектор? Какой тип угрозы?.

— Это... это волна тёмной энергии! — выкрикнула Елена, глядя на прыгающие пики монитора.

На том конце воцарилась секундная тишина, прежде чем голос офицера превратился в ледяной и яростный.

— Девушка, вы вообще понимаете, куда вы звоните?! — рявкнул он так, что динамик трубки захрипел. — У нас тысячи реальных ракет в небе, планета в огне, началась мировая война, а вы занимаете экстренную линию связи этим бредом про «энергию»?.. Еще один звук — и я лично отдам приказ вычислить ваши координаты за саботаж!

— Да вы не понимаете! — в отчаянии закричала она, захлебываясь слезами и не обращая внимания на угрозы. — Оно заставляет вас уничтожить всё, чем мы могли бы его заметить! Оно сводит вас с ум....

Писк. Короткие, монотонные гудки оборвали её на полуслове. Линия была обрублена. Елена медленно опустила трубку на рычаг. За окном в темноте со скрипом продолжала поворачиваться бесполезная антенна, а на экранах мониторов, среди цифрового шума, продолжали прыгать пики невидимой смерти.

Глава 5. Формула сопротивления

— Они нас не слышат, — тихо произнесла она, поворачиваясь к мужу. — Военные бесполезны. Нам нужен Профессор. Он вел этот объект, он должен знать, что делать.

Максим, тяжело дыша, лихорадочно кивнул. На чистом автомате, поддавшись въевшейся привычке, он выхватил из кармана свой мобильный и начал нервно тыкать в экран, пытаясь найти номер Профессора в контактах.

— Давай же... — прошипел он, прижимая смартфон к уху. Ответом была лишь мертвая тишина и мгновенный сброс сети.

— Макс, брось это, это бесполезно! — Елена перехватила его руку. — Мобильная сеть рухнула от перегруза, связи не будет!

Она снова перевела взгляд на пожелтевший листок из ящика стола, по которому только что звонила в Генштаб.

— Смотри, здесь внизу приписка, — она ткнула пальцем в мелкий почерк на полях. — Правительственный префикс для приоритетного дозвона. Он пробивает любые перегруженные линии. И здесь же — прямой номер его настольного аппарата на кафедре.

Максим шагнул к столу, схватил массивную трубку спецтерминала и начал яростно вбивать длинную комбинацию цифр, которую диктовала Елена.

Гудки шли долго, прорываясь сквозь треск статики. Наконец, на том конце раздался сухой щелчок.

— Да, слушаю, — произнес знакомый, надтреснутый, но абсолютно спокойный голос.

— Профессор! Это Максим! — он выдохнул так, словно вынырнул из-под воды. — Вы знаете, что происходит?! Спектр живой! Мы вели этот объект столько лет, до последнего были уверены, что это просто чертов астероид! Но это направленное облучение, оно сводит мир с ума! Военные палят по орбите, может, направленный ядерный удар или мощное излучение смогут его уничтожить?!

— Исключено, Максим, — голос Профессора оставался поразительно ровным, хотя теперь Максим отчетливо слышал на фоне грохот перетаскиваемых металлических ящиков, топот десятков ног по коридору и чьи-то срывающиеся на крик команды. — Любые стандартные попытки физического воздействия бессмысленны. Наши расчеты показывают, что этот объект поглощает энергию. Он просто использует любое направленное в него вооружение или излучение против нас же самих, многократно усиливая свой сигнал. У нас в институте идет экстренная эвакуация. Военные вывозят архивы, грузят серверы, забирают документацию. Но я остался в кабинете у этого аппарата, потому что знал, что рано или поздно ты позвонишь.

Профессор сделал паузу, пережидая особо громкий грохот за своей дверью, и продолжил:

— Вспомни наш факультатив. Мы ведь еще тогда, когда вы учились в институте, разбирали вероятность того, что именно этот объект окажется не просто камнем. Я ждал этого вторжения, и мы к нему готовились.

Максим замер, сжав трубку так, что побелели костяшки. В его воспаленном мозгу внезапно начали складываться фрагменты старой мозаики.

— Те схемы... Вы учили нас не просто так?

— Именно. На тех лекциях вы изучали не абстрактную теорию, вы изучали физику врага, — ответил Профессор. — Мы тогда вместе с вами рассчитали единственно возможный контур сопротивления. Контур заземления. Материал для него — массивные кристаллы турмалина и кварца — до сих пор хранится у меня на кафедре, в экранированном хранилище на нижнем ярусе. Военным сейчас не до камней, они спасают бумаги и жесткие диски, так что хранилище никто не тронет, они останутся там. Эти камни нужно будет забрать.

— Я... мы с Леной не сможем удержать такой поток вдвоем, это объем целой планеты!

— Вас и не должно быть двое. Если кто-то и может остановить то, что надвигается, так только ваша четверка. Вы, Елена, Сергей и... Кристина. Та одаренная девочка с вашего потока. Вы должны собрать группу.

— Какую группу, Профессор?! — Максим с отчаянием ударил свободной рукой по пульту. — В стране военное положение! Дороги перекрыты армейскими кордонами, идет мобилизация. Как мы соберемся вместе? Как Сергей с Кристиной доберутся до нас и как заберут эти камни?

— Об этом не беспокойся, — жестко отрезал Профессор. — Я прямо сейчас по правительственной спецсвязи спущу директиву. Ваша четверка получит высший уровень допуска. Им нужно будет просто зайти в ближайший пункт полиции. Там выдадут физические спецпропуска, дающие право на беспрепятственный проезд через любые блокпосты и гарантирующие любое содействие. С этими бумагами они спокойно заберут кристаллы с кафедры и привезут их к вам.

Максима словно ударило током. Сергей и Кристина. Он не видел их с выпуска, помнил только, что они были парой, но Профессор был прав — только они знали, как работать с энергетическими законами на таком уровне.

— Мы не сможем рассчитать точку прокола пространства! — Максим схватился за голову. — Спутников нет, телеметрия мертва! Вся орбитальная навигация сожжена, у нас нет данных для расчетов!

— Считайте по старинке, физик, — с металлом в голосе ответил Профессор. — Астрометрия, секстанты, магнитная решетка Земли. Раньше наука прекрасно работала без орбитальных костылей. Вспоминайте всё, чему я вас учил.

Профессор закашлялся, на линии раздался сильный треск.

— И первое, что вы должны сделать прямо сейчас — перенастройте вашу параболу. Замкните контур фазового модулятора на инверсию сигнала.

— Инвертировать сигнал приемника? — опешил Максим. — Но мы сожжем систему!

— Зато создадите локальный купол, — приказал Профессор. — Антенна начнет транслировать излучение в противофазе. Это уменьшит воздействие темной энергии на вашу территорию. Это сохранит вам рассудок и даст время на расчеты и сборы. Действуйте, Максим. Больше связи не будет.

Короткие гудки ударили по ушам. Максим на автомате опустил трубку на рычаг и повернулся к жене.

— Что он сказал? — напряженно спросила Лена.

— Сказал, что мы вдвоем не удержим. Нужны Сергей и Кристина. Профессор сказал, только наша четверка знает, как выстроить контур. Пропуска с высшим уровнем допуска он им организует, директиву спустят в полицию по месту их жительства.

Максим осекся. Он замер, глядя на телефонный аппарат, и лицо его вдруг вытянулось от осознания собственной оплошности.

— Черт... А как Сергей с Кристиной узнают, что им вообще нужно идти в полицию за этими пропусками? И как мы будем координировать расчеты контура?

— Ты не спросил у Профессора их контакты? — Лена удивленно вскинула брови.

— Я не догадался попросить его связать нас по спецлинии! — Максим резко схватил трубку и снова начал торопливо вбивать прямой номер кафедры. — Государственные базы данных работают, он мог бы узнать их актуальные адреса за минуту и дать команду местным дежурным направить к ним машину...

Он прижал трубку к уху. Гудки шли один за другим — длинные, гулкие и абсолютно пустые. Максим прождал около минуты, слушая эту пустоту, после чего со вздохом вернул трубку на базу.

— Бесплезно, — констатировал он. — Он же предупредил. Эвакуация. Он ушел от аппарата.

Лена нахмурилась, подходя к пульту управления антенной. Паники не было, осталась лишь жесткая сосредоточенность людей, привыкших методично разбираться с техническими накладками.

— Значит, дозваниваемся сами, — спокойно рассудила она. — Сотовые отключены, по ним звонить бесполезно. Нам нужен стационарный.

— Я знаю, — Максим устало откинулся на спинку кресла, глядя в потолок. — Но у меня даже его старых номеров не осталось. Я понятия не имею, какие у них сейчас адреса, в каких они городах и что вообще у них в жизни происходит. Интернета нет. Нам нужно как-то дозвониться до двух человек, о которых мы ничего не знаем уже десять лет. Мы приплыли, Лен.

Повисла короткая пауза. Снаружи со скрипом поворачивалась слепая антенна. Лена присела на край стола, постукивая пальцами по столешнице. Её взгляд машинально скользнул по аппаратной и зацепился за пыльные картонные коробки в углу, куда они сложили старые вещи при переезде на Урал.

— Подожди... — медленно произнесла она. — Когда мы учились на том факультативе... Кристина тогда жила с родителями. Мы вместе готовились к семинарам, и я часто звонила ей домой. У них был стационарный телефон.

— Лена, прошло десять лет, — Максим скептически покачал головой. — Ты физически не можешь помнить эти семь цифр.

— Я — нет. А вот она — может, — Лена кивнула в сторону коробок. — Профессор сказал: «Вспоминайте всё, чему я вас учил».

Она встала, подошла к дальнему стеллажу и начала методично вытаскивать из коробок старые архивы, справочники и университетские материалы. Максим молча наблюдал за ней, пока она с уверенным выдохом не выудила со дна обтрепанную, выцветшую общую тетрадь в толстой обложке.

Ту самую тетрадь с записями лекций Профессора.

Лена решительно откинула картонную обложку. Там, на потертом форзаце, прямо поверх выцветших от времени зарисовок кристаллических решеток, синей шариковой ручкой был нацарапан семизначный городской номер и короткое слово: «Крис (дом)».

— Лишь бы её родители не переехали и номер не сменился, — Лена пододвинула к себе тяжелый пульт спецсвязи. Секунду она колебалась, затем с щелчком перевела тумблер в положение внешней линии, обходя закрытый контур. В трубке вместо мерного гудка спецсвязи послышался тонкий, прерывистый сигнал городской сети, еще живой где-то там, внизу. — Я сама ей позвоню. Мы часами сидели над этими схемами, мне будет проще объяснить ей, что именно от нас нужно.

Она подняла взгляд на мужа, и в её глазах больше не было ни следа недавней паники. Только холодная собранность.

— А ты беги к рубильникам, Макс. Гаси основные серверы и перекидывай питание напрямую на модуляторы. Нам нужно инвертировать фазу антенны.

Глава 6. Коридор сквозь хаос

Боль в затылке стала пульсирующей, ритмичной. Олег лежал на кровати, не в силах пошевелиться, чувствуя, как реальность его времени истончается и плывет. Тихий гул его комнаты начал сливаться с другим звуком — низким, тревожным бормотанием диктора новостей. Вспышка перед глазами — и Олег открыл их уже там. В чужом теле. В чужом времени.

В гостиной горел приглушенный свет, но он не давал уюта. На огромном экране телевизора бесконечным, выматывающим циклом крутились кадры: перекрытые магистрали, колонны военной техники, растерянные толпы людей.

Кристина сидела на диване, обхватив колени руками. Её была мелкая, непрекращающаяся дрожь.

Сергей выдохнул. — Умный дом, громкость телевизора на минимум, — скомандовал он в пустоту.

Система послушно снизила звук до едва различимого шепота, но тяжесть в комнате никуда не делась. Сергей подошел к жене, опустился рядом и крепко обнял её, физически ощущая, как она напряжена.

— Сереж... родители, — её голос сорвался. — Они же там одни. Нам нужно ехать к ним, прямо сейчас.

— Крис, послушай меня, — он прижал её к себе сильнее, стараясь говорить максимально ровно и рассудительно. — Они далеко за городом. Если начнется самое страшное, бить будут по центру. Там, в лесу, сейчас безопаснее всего.

Кристина попыталась отстраниться, в её глазах стояли слезы. — Но мы должны быть с ними!

— Мы не доедем, — жестко, но мягко оборвал её Сергей. — Ты слышала сводки. Все выезды из города наглухо перекрыты военными блокпостами. Введен особый режим. Мы просто встанем в мертвую пробку на первом же шоссе под прицелами патрулей. Мы заперты здесь.

Кристина бессильно уронила голову ему на плечо. В этот момент тишину квартиры разорвал резкий, пронзительный звук. Это был механический дребезг, неестественно громкий и пугающий.

Сергей вздрогнул. — Что это?

Кристина медленно подняла голову. Слезы в её глазах высохли, сменившись странным оцепенением. — Это телефон.

— У нас вообще есть стационарный телефон? — поразился Сергей.

— Да. В кладовке.

Она встала и направилась к закрытой двери в коридоре. Сергей пошел следом.

— Зачем он там? — не понимал он, глядя, как жена отодвигает коробки и достает старый, покрытый пылью аппарат.

— Когда мы делали ремонт, я попросила строителей провести туда линию, чтобы он не портил вид в гостиной, — ответила Кристина, глядя на звонящий телефон. — Я платила за него абонентскую плату все эти десять лет. Помнишь нашего Профессора на факультативе? На выпуске он сказал: «Никогда не отключайте стационарную связь. Когда всё остальное рухнет, она останется единственным рабочим каналом».

Кристина сняла трубку. — Да?

На том конце сквозь легкий треск статики раздался голос Елены. Он был предельно собранным. Услышав её, Кристина замерла лишь на секунду. Воспоминание о Профессоре, которое она только что озвучила, мгновенно выстроило мост в прошлое.

— Лена... — выдохнула она.

— Слушай меня внимательно, Крис, — голос Елены не оставлял пространства для паники. — Забудь про новости. Это не война. Объект входит в активную фазу. То, что вы чувствуете — это давление его поля.

Кристина прижала трубку к груди, прикрыв микрофон рукой, и посмотрела на мужа. Сергей видел, как на его глазах она меняется. Дрожь исчезла. Плечи расправились. Из испуганной женщины она превращалась в того самого одаренного аналитика, которым была десять лет назад.

— Это Лена, — быстро произнесла она, глядя Сергею прямо в глаза. — Она говорит, что это не атака. Это тот самый Объект из теории Профессора. Он здесь.

Она снова поднесла трубку к уху. — Я поняла, Лена.

— Крис, и еще одно, — голос Елены звучал напряженно. — Профессор включил в контур Сергея. Мы с Максом понятия не имеем, где он сейчас. Ты не знаешь, как с ним связаться?

— Знаю, — спокойно ответила Кристина. — Он здесь, со мной.

— Слава богу... — с облегчением выдохнула Елена. — Мы с Максом развернули купол над нашей обсерваторией. Нам нужно рассчитать точку приземления Объекта. Начинаем сверку.

Этот разговор был одним из самых долгих телефонных разговоров в их жизни. Старый аппарат не имел громкой связи, поэтому следующие два часа они провели, постоянно передавая пластиковую трубку из рук в руки, уточняя каждую деталь.

Они скрупулезно обсуждали вероятности смещения траектории. Лена и Кристина сверяли структурные возмущения и параметры поля, после чего Кристина передавала трубку мужу. На том конце её перехватывал Максим, диктуя Сергею угловое склонение, магнитные аномалии и плотность набегающего потока. Затем Сергей возвращал трубку Кристине, чтобы она уточнила у Лены коэффициенты сопротивления атмосферы.

Сергей зажимал трубку плечом, исписывая чистые развороты старой университетской тетради сложными тензорными вычислениями. Такую многоуровневую физику нужно было разворачивать именно на бумаге, чтобы визуально контролировать всю структуру расчетов, пока Кристина стояла рядом и вносила корректировки в вероятности. Ошибка в долях градуса означала бы, что они направят энергию Объекта не туда.

Спустя два часа непрерывной работы Сергей обвел итоговые координаты двойным кругом.

— Есть точка, — хрипло сказал он в трубку. — Это предгорья, буквально в паре десятков километров от вашей обсерватории. Прямо на границе купола.

— Значит, контур заземления будем строить там, — подтвердил Макс. — Ваша задача — забрать кристаллы турмалина с кафедры. Они лежат в экранированном хранилище. Профессор спустил правительственную директиву: идите в местное отделение полиции, на ваши имена готовы спецпропуска. С ними пройдете любой кордон. Забирайте камни и двигайте к нам. Без вас мы не замкнем цепь.

— Понял. Выдвигаемся.

Сергей опустил трубку на рычаг. Тишина в квартире теперь казалась рабочей, наэлектризованной.

— Умный дом, полное отключение, — громко произнесла Кристина.

Индикаторы на технике погасли. Квартира погрузилась во мрак. Они действовали слаженно и молча, собирая в рюкзаки инструменты, бумаги с расчетами и теплые вещи. Всё лишнее осталось на полу.

Сергей закинул тяжелый рюкзак на плечо, посмотрел на Кристину, которая решительно затягивала ремни на своей походной куртке, и повернул замок. Он распахнул дверь. В лицо ударил холодный сквозняк подъезда, запах гари и многократно усиленный вой городских сирен.

Глава 7. Пепел над руинами

Улица встретила их резким запахом выхлопных газов от тысяч застрявших машин и оглушительным шумом. Сергей бросил тяжелые рюкзаки на заднее сиденье, Кристина запрыгнула на пассажирское. Выезжать на центральные магистрали было бессмысленно — еще из окна они видели, что проспекты намертво забиты брошенным транспортом и мечущимися людьми. Сергей ударил по газам, направляя машину дворами, проскакивая через узкие переулки и арки, чтобы не встать в глухую пробку.

Здание управления полиции гудело от напряжения. Вокруг крыльца толпились люди, кто-то кричал, требуя пустить их внутрь, кто-то пытался узнать судьбу родственников. Внутри творился абсолютный хаос. Глобальная сеть рухнула, доступ к электронным базам данных оборвался, и вся бюрократическая машина мгновенно откатилась в прошлое — к бумажным журналам и рукописным спискам. Это парализовало работу, превратив коридоры в сплошную, нервную очередь.

Сергей, взяв Кристину за руку, буквально протаранил толпу плечом, пробиваясь к стеклянному «аквариуму» дежурного.

За стеклом потный, красный от крика сержант отмахивался от десятка рук с паспортами. — Ожидайте в коридоре! Всем ждать! — рявкнул он, даже не глядя на Сергея.

— У нас правительственная директива на спецпропусках, — жестко, стараясь перекрыть шум, произнес Сергей и назвал их фамилии. — От Профессора. Инструкции должны быть у вас.

Сержант раздраженно поднял глаза, хотел что-то ответить, но осекся. Он вытащил из-под завалов на столе скрепленную степлером стопку распечатанных листов, быстро пробежался пальцем по строчкам и изменился в лице.

— Третий этаж, триста четырнадцатый кабинет, — коротко бросил он, нажимая кнопку магнитного замка на турникете. — Проходите быстро.

На третьем этаже дышалось легче, но суеты было не меньше. Мимо них по коридору пробежали несколько сотрудников в бронежилетах и с автоматами, с грохотом захлопывая двери оружейной.

Они нашли нужный кабинет и вошли без стука. За столом сидел измотанный офицер в расстегнутом вороте рубашки. Вокруг него высились кривые башни из бумажных папок, бланков и рапортов. Он потер воспаленные глаза, взглянув на вошедших.

— Нас направил дежурный. Мы за спецпропусками, — сказала Кристина, подходя к столу.

Офицер вздохнул и кивнул.

— Да-да... Знаю. Инструкции по вам спустили с самого верха буквально за полчаса до того, как связь окончательно оборвалась.

Он выдвинул нижний ящик стола, долго рылся в бумажных завалах и наконец извлек два плотных заламинированных прямоугольника с голограммами и печатями.

— Вот. Ваши документы. С этим пройдете любые блокпосты в городе и за его пределами.

Сергей протянул руку, чтобы забрать пропуска, но офицер вдруг накрыл их ладонью и остановил его. Он перевел взгляд на прикрепленный к краю стола потрепанный лист бумаги, исписанный размашистым почерком.

— Так, стоять. Тут к вашему делу есть приписка. Рукописная, — офицер нахмурился, вчитываясь в текст. — Мне приказано выделить вам патрульную машину сопровождения с проблесковыми маячками. Мои люди обеспечат вам чистый коридор до Института, чтобы вы могли беспрепятственно забрать свой груз.

Офицер поднял на них уставший взгляд.

— А откуда мы гоним вас прямиком на военный аэродром.

Сергей замер, переглянувшись с Кристиной.

— Какой аэродром? — непонимающе спросил он. — По всем каналам передавали протокол «Чистое небо». Гражданская авиация мертва, воздушное пространство закрыто для всех полетов.

— Гражданка стоит, — мрачно подтвердил офицер, собирая бумаги со стола и поднимаясь из кресла. — Но для вас на взлетке уже прогревает турбины военный транспортник. У ваших пропусков высший приоритет Генерального штаба. Собирайтесь. Машина ждет внизу.

Слова офицера начали отдаляться, теряя четкость, словно старый радиоприемник внезапно потерял волну. Запах выхлопных газов и гул полицейского участка разом исчезли. Картинка дрогнула, пошла рябью и рассыпалась на части.

Связь оборвалась.

Олега выбросило из чужого сознания обратно в его время. Он лежал на кровати, тяжело дыша и пытаясь сфокусировать взгляд на привычном потолке. Голова раскалывалась. Сквозь липкую пелену полусна-полуобморока до него донесся звук, который и выдернул его из видения.

Резкий, настойчивый звук из реальности. Кто-то громко стучал в его старую деревянную дверь.

Глава 8. Цена покорности

Настойчивый стук вырвал Олега из видения. Гул переполненного полицейского участка и едкий запах выхлопных газов мгновенно сменились противным запахом въевшейся плесени и абсолютной, неестественной тишиной.

Он резко сел на кровати, тяжело дыша. Тело гудело от усталости, но голова после сна оставалась удивительно ясной. Спальня, как и остальные помещения этого просторного одноэтажного дома, идеально поглощала звуки, делая тишину мертвой, словно ватной. Ложе, на котором он спал, плавно выросло прямо из пола.

Стук повторился, на этот раз громче.

Олег спустил ноги на холодный пол, вышел из спальни и прошел по коридору. Он отодвинул засов на входной двери. На пороге стоял Захар. Бригадир устало привалился плечом к косяку, вытирая тыльной стороной ладони грязь и пот со лба. В одной руке он держал пластиковую тубу с вечерней пайкой, в другой — бумажный блистер с таблеткой.

Олег молча отступил в сторону, пропуская его внутрь. Они прошли в соседнюю просторную комнату. Посреди нее из пола выростал гладкий монолитный серый стол, рядом с которым стоял покосившийся, грубо сколоченный деревянный стул.

Захар подошел к столу, положил еду с лекарством на серую поверхность и опустился на этот кривой стул.

— Принес вот, — глухо сказал Захар, глядя на свои стертые руки. — Велели прямо в дом доставить. И сказали, чтоб ты пару дней дома отсиделись. На смену пока не выходи.

Олег сел напротив. — Спасибо, Захар, — спокойно ответил он. — Отдышись. Смена тяжелая была?

Захар устало кивнул, массируя шею. — Не то слово. Я, признаться, когда тот обвал пошел, думал, всё... отбегался ты, Олег. Там же пудов двадцать камня было, не меньше. Кузнец даже отвернулся, чтоб не смотреть. Мы думали, от тебя только мокрое место останется.

— Повезло, — ровно отозвался Олег, внимательно наблюдая за товарищем. — Но меня сейчас больше удивляет другое. С каких пор надсмотрщики проявляют такую заботу?

Захар поднял голову, непонимающе нахмурившись.

— Оставили полную пайку, отправили домой отсыпаться, — продолжил Олег, и в его голосе зазвучала холодная, рассудительная логика. — Обычно за сорванную норму лишают еды. А контуженных либо заставляют махать кайлом до последнего, либо списывают в расход. А тут — личная доставка пилюль и два дня выходных.

Бригадир долго смотрел на Олега. В тусклом свете комнаты он словно заново изучал его лицо. До него начало медленно доходить, что он разговаривает не с тем вечно уставшим, слегка заторможенным мужиком, до которого обычно всё доходило с опозданием. Сейчас перед ним сидел человек, который мыслил пугающе четко.

— Слушай... — Захар даже подался вперед. — А ты ведь как-то иначе заговорил. Рассуждаешь вон как... А то ведь раньше ходил как в тумане. Встряхнуло, значит, камнем-то?

— Встряхнуло, — чуть заметно усмехнулся Олег. — В голове прояснилось. Так что сам думаешь об этой щедрости охраны?

Захар помрачнел. Он ссутулился еще сильнее, упираясь локтями в стол. — Странно всё это, Олег. Очень странно. Свистнули мне сегодня, пальцем на тебя показали... Только я теперь не в том положении, чтобы вопросы задавать. Я должность бригадира получил совсем недавно. Пашу с вами наравне, но зато хоть какие-то поблажки дали. И против них теперь слова кривого не скажу, что бы они ни приказали.

Олег промолчал, позволяя Захару выговориться. Ему явно нужно было оправдать свою покорность системе.

— Они разрешили мне завести семью, понимаешь? — Захар поднял глаза, в которых читалась отчаянная усталость. — Анна ждет ребенка. Если бы я не стал бригадиром, она бы так и горбатилась в каменоломне наравне со всеми. А теперь ей позволили остаться дома. Она в безопасности.

— Говорят, тебе обещают, что когда-нибудь ты сам станешь одним из надсмотрщиков, — заметил Олег, проверяя реакцию.

Захар горько, безрадостно усмехнулся. — Говорят. Обещать-то они могут всё что угодно... Только я в это не верю. Вряд ли до этого дойдет. Но ради Анны я выполню любой их приказ, лишь бы она в забой не вернулась. Так что ты на меня зла не держи. Сказали принести еду и оставить тебя дома — я сделал.

Он поднялся, собираясь уходить.

— Отдыхай. Таблетку эту выпей, она раны хорошо заживляет. И посиди тихо эти дни, не привлекай внимания.

Захар коротко кивнул и вышел из комнаты. Вскоре в коридоре хлопнула входная дверь.

Олег остался один в идеальной, поглощающей звуку тишине своего странного дома. На столе перед ним лежала пластиковая туба с едой и маленькая гладкая таблетка.

Глава 9. Иллюзия безопасности

Олег посмотрел на нетронутую пластиковую тубу с пайкой. Мысли вернулись к Лине: с её глубоко распоротой рукой махать кайлом после обеда было физически невозможно. Система не прощает невыполненных норм, а значит, девушка сегодня точно осталась без еды.

Он решительно поднялся. Перед тем как выйти, Олег задержался в узком коридоре. Зеркало здесь было встроено прямо в стену — массивная полоса от пола до самого потолка. За долгие годы поверхность сильно потускнела и пошла темными пятнами, но в ней всё еще можно было разглядеть своё отражение.

На Олега смотрел мужчина тридцати шести лет. Теперь, когда разум окончательно прояснился, он первым делом подошел к умывальнику. Пустил ледяную воду, тщательно смыл въевшуюся серую пыль, уложил жесткие волосы и выпрямил спину. Исчезла привычная сутулость забитого работяги, в осанке появилась природная стать.

Он спрятал тубу под куртку и вышел из дома в густеющие сумерки. Поселение казалось вымершим: из двухсот домов обитаемыми оставались едва ли пятнадцать. Огромный пустой город-призрак давил своей тишиной.

Олег подошел к дому Лины ровно в тот момент, когда со стороны форта раздались мерные удары колокола. Комендантский час. Он толкнул створку и шагнул внутрь. Лина резко обернулась. В полумраке пустой комнаты её лицо выглядело мертвенно-бледным.

— Олег? Зачем ты пришел? — голос её сорвался. — Тебе же Захар велел лежать! Он сказал, когда отпускал тебя, что ты держись на одном чистом адреналине. Что вообще неизвестно, доживешь ли ты до утра после такого удара глыбой... А ты еще пытался работать, махал кайлом как безумный!

Олег шагнул ближе. В тусклом освещении Лина невольно засмотрелась на него. Широкие плечи, бугрящиеся мышцы рук — он всегда был сильнее остальных, но сейчас от его чисто вымытого лица и прямой осанки исходила спокойная, осознанная сила.

— Как ты вообще? Как рука? — спросил он, разглядывая её предплечье. Повязка насквозь пропиталась свежей кровью. — Понятно же, что после такого пореза ты норму после обеда вытянуть не смогла.

Лина лишь горько усмехнулась и достала из кармана маленькую белую таблетку.

— Еду не дали, — тихо произнесла она, глядя на лекарство с благоговением. — Но смотри, надсмотрщик всё равно выдал мне это. Сказал, что я должна быть в строю завтра. Это настоящая милость Системы, Олег. Я сейчас приму её, и к утру рана затянется. Она исцелит меня, я чувствую.

Она торопливо проглотила таблетку, словно боялась, что её могут отобрать. Олег смотрел на эту фанатичную веру в чудодейственную силу химии Системы и чувствовал, как внутри всё сжимается.

Он достал из-под куртки пластиковую тубу и положил на стол. Лина упрямо вскинула подбородок.

— Забери. Я нашла коренья в заросшем секторе до отбоя. Мне хватит.

Она выложила на стол несколько сморщенных, испачканных в земле клубней.

— Эти коренья не восстановят кровь, Лина, а одной таблетки мало, — ровно произнес Олег, садясь напротив. — Расскажи мне лучше, как там всё устроено? За периметром. Нам с детства вбивают в головы, что там только дикари и верная смерть.

Лина горько усмехнулась, опустив взгляд на свои сцепленные руки.

— Смерть там — это избавление, Олег. Лес давно поглотил старые города, их там море, этих огромных скелетов из бетона. Мы находили заросшие развалины, прятались в них. Но город — это ловушка. Самое страшное — там нет чистой воды.

— И как вы выкручивались? — нахмурился Олег.

— Пытались собирать влагу с крыш. Мастерили стоки, подставляли всё, что могли найти. Но вода тухнет почти сразу, становится склизкой, черной. Ты пьешь эту гниль, потому что деваться некуда. Мой младший брат... он просто выпил лишний глоток, когда очень хотел пить. Сгорел за два дня от лихорадки.

Олег почувствовал, как внутри закипает глухая злость на этот мир.

— Неужели нельзя было найти чистый источник? Реку?

— У реки живут те, кто сильнее, — покачала головой девушка. — Банды. Зверье в человеческом облики. Мы переселялись с места на место каждые несколько месяцев. Стоило чуть обжиться, наладить быт, как приходили мародеры. Это жизнь в вечном страхе. Ты бегаешь, как загнанная крыса, из одной высотки в другую.

— Но подожди, — Олег подался вперед, пытаясь нащупать логику нормального выживания. — Люди ведь обычно собираются вместе? Строят общины, защищают друг друга сообща. Разве так не проще выжить?

Лина подняла на него тяжелый взгляд.

— Мы тоже так думали. Прибились к большой коммуне. Действительно, вместе отбиваться было легче. Но у этой защиты оказалась своя цена. В коммуне не было семей, понимаешь? Там всё было общим. И женщины — тоже.

Она обхватила себя за плечи, словно в комнате резко похолодало.

— Когда мне исполнилось двенадцать, другие мужчины заявили свои права. Сказали, что пришло моё время платить телом за то, что коммуна меня защищает.

Олег сжал челюсти. Контраст между вспышками цивилизованного прошлого в его памяти и этой первобытной дикостью бил наотмашь.

— Твои родители не позволили этому случиться.

— Отец чуть не убил одного из них, — с жесткой гордостью ответила Лина. — Мы собрали вещи и сбежали ночью в самую глушь Леса. Жили впроголодь, одни. А потом отец нашел в пустошах кусок хорошего, не ржавого железа. Думал, выменяет его у бродячего торговца на крупу. Но наткнулся на мародеров. Его просто забили камнями ради этой железки. Прямо у меня на глазах.

Солнце за окном окончательно село. Лина достала огниво, высекла искру и зажгла плоску с жиром. Запах горелого сала смешался с металлическим запахом её крови.

— Мои родители до последнего верили в Соппротивление, — тихо продолжила она, глядя на дрожащий огонек. — Верили, что когда-то люди боролись за свободу. Но Соппротивление стерли в пыль двести лет назад, вместе с одним из Четырех Правителей. Он предал Систему и встал на сторону людей... А я сама ушла за периметр, Олег. Добровольно. Здесь — каторжный труд, но я знаю, что за него получу глоток чистой воды, и никто не ворвется ко мне ночью. А Правители... они древние сущности. Бессмертны и непостижимы.

Олег смотрел на неё, и его прояснившийся разум моментально выцепил логическую дыру.

— Лина, постой. Если Правители живут вечно и они бессмертны, то как Главный Правитель смог убить одного из них двести лет назад? Бессмертие нельзя уничтожить.

Лина замерла. Этот простой вопрос выбил у неё почву из-под ног. Она подалась через стол, тревожно озираясь на темные углы комнаты, и зашептала:

— Есть тайное пророчество... Убитый Правитель не мертв до конца. Он воскреснет. Это и докажет их истинную вечность.

Повисла напряженная пауза. Чтобы перевести разговор в безопасное русло и разрядить обстановку, Олег кивнул на выложенные ею на стол клубни.

— Слушай, мне всегда было интересно, что они из себя представляют на вкус, — с искренним любопытством произнес он.

Лина посмотрела на сморщенные комки.

— Раньше, говорят, они глубоко в земле сидели, просто так не откопаешь, — тихо ответила она. — А в последние годы всё ближе к поверхности прорастают. Почва, наверное, изменилась. Хотя найти их всё равно большая удача.

— Давай так, — предложил Олег. — Я попробую твои коренья, а ты возьмешь половину моей пайки. Идет?

Лина замялась, глядя на его уверенное лицо, но с благодарностью кивнула. Она разделала клубни, а он открыл тубу с пастой.

Лина осторожно взяла тубу и начала есть. Питательная масса в сочетании с принятой таблеткой медленно возвращала ей силы. Дыхание после страшных воспоминаний выравнивалось, плечи расслабились. Повисла долгая, умиротворяющая пауза.

Олег взял кусок предложенного корня и откусил. Тело ожидало горькой древесины, но рецепторы взорвались мощным, деликатесным орехово-землистым вкусом.

Трюфель.

Вкус ударил по сознанию наотмашь. Флешбэк перебрал его в прошлую жизнь: мягкий свет торшера, уютный диван, Кристина смеется и протягивает ему на вилке кусочек точно такого же гриба... Для его памяти это было вчера. Но холодная логика констатировала факт — прошло шестьсот лет. Той жизни больше нет.

Олег замолчал, уставившись в пустоту, прерывисто дыша, борясь с накатившей тоской.

Слегка утолив голод и окончательно успокоившись, Лина внимательно наблюдала за ним по ту сторону стола. Тусклый свет от жировой площадки мягко ложился на его чисто вымытое лицо, подчеркивая прямую спину и уверенный разворот плеч. Прежний образ простоватого «дурачка» полностью растворился в этих тенях. Теперь она видела перед собой глубокого, сильного мужчину с пугающе ясным умом. Игра света на его скулах завораживала. Внутри неё проснулось искреннее женское восхищение — серьезная, почти непреодолимая тяга, которой она раньше никогда ни к кому не испытывала.

Напряжение в комнате стало осязаемым. Лина робко одернула грубую ткань рубашки на груди и мягко положила свою перевязанную, испачканную кровью руку на его мощные пальцы.

Олег почувствовал тепло её ладони. Разум сохранил полный контроль — память о прошлой жизни была слишком живой и болезненной. Он не отдернул руку, а очень бережно накрыл ладонь девушки своей рукой.

— Лина, ты прекрасная девушка, — произнес он тактично, глядя ей прямо в глаза. — Но давай не будем торопить события. Тебе нужно отдохнуть и набраться сил.

Для неё это бережное отношение стало откровением. Оно ломало все суровые законы её мира. Она медленно кивнула, не в силах отвести от него взгляд. Олег поднялся из-за стола.

— Олег, стой! — Лина вскочила следом. — Колокол давно смолк. На улице патрули. Останься до рассвета здесь, это слишком опасно!

Олег остановился у двери.

— Спасибо за заботу. Отдыхай, Лина. Со мной все будет хорошо.

Он толкнул створку и бесшумно вышел в холодную темноту ночи, плотно прикрыв за собой дверь.

Шаг. Другой.

Олег внезапно замер, инстинктивно вжимаясь спиной в шершавую стену дома. Совсем рядом, буквально за углом соседнего здания, сквозь мертвую тишину комендантского часа раздались тяжелые, ритмичные шаги патруля надсмотрщиков.

Глава 10. Тайное сияние карьера

Олег бесшумно прикрыл дверь дома Лины. Ночная прохлада мгновенно коснулась лица, выбивая остаток тепла. Он сделал всего два шага в сторону теней, когда за углом соседнего барака качнулся оранжевый свет. Он замер, буквально впрессовываясь в стену. Сердце стучало ровно — прояснившийся разум не знал паники. Мимо, не скрываясь, шагали двое. Кожаные куртки поскрипывали в такт шагам, факелы в их руках горели ярко и чисто, разгоняя ночной мрак.

— Слышь, — первый надсмотрщик лениво махнул дубинкой, — у меня локоть-то перестал ныть. Совсем.

— Энергетика, — буркнул второй, не оборачиваясь.

— Скажи спасибо Карьеру.

— Да я и говорю. Может, еще на полгода остаться?

— Хрена тебе. Забыл устав?

— Да чего там, подлечимся хоть...

— Ага, а потом мутировать начнешь? Ротация — это святое. Начальство не дураки, им не нужны здесь бессмертные монстры вместо охраны. Полгода — и на выход, пока лишнего не впитал.

— Да ладно, тишина же кругом.

— Вот именно. Тридцать лет в журнале ни одной записи. Эти тени за порогом даже дышать после колокола боятся.

Патруль прошел мимо, оставляя в воздухе лишь слабый запах озона. Олег проводил их взглядом и поднял голову. Небо было пугающе чистым. Тысячи звезд висели над головой, но внимание Олега приковали не они. Тонкие, едва заметные точки двигались по идеальным дугам. Спутники? Челноки? Там, наверху, кипела жизнь цивилизации, владеющей скоростью и светом, пока внизу охрана обходилась факелами и кожей.

Вдруг одна из звезд начала расти. Она наливалась плотным молочным светом, медленно опускаясь по спирали прямо в центр чаши Карьера.

— Пора, — прошептал Олег.

Он не пошел по дороге. Разум, очнувшийся от многолетнего сна, быстро сопоставлял факты. Холмистый рельеф, недавние ливни... Вода всегда ищет путь вниз. Олег двинулся вдоль периметра, пока не наткнулся на сухое русло старого ручья. Здесь, в самой низкой точке, потоки вымыли из-под забора грунт. Колючая проволока висела ровно, но под ней чернела промоина шириной в полметра. Олег опустился на колени. Мягкая земля поддалась легко, когда он начал углублять яму плоским камнем. Его руки работали с привычной, сокрушительной мощностью, которая давно сделала его самым сильным рабочим в поселении. Только теперь эта сила управлялась не затуманенными инстинктами, а ясным, расчетливым умом. Через пять минут он уже лежал на спине, медленно проталкивая тело под нижним проводом. Холодный металл прошел в паре сантиметров от груди, но «кусачая стена» так и не ужалила.

Олег поднялся уже по ту сторону забора. Его серая одежда, пропитанная каменной пылью, превратила его в призрака среди глыб. Именно здесь, в крошечной темноте, скрытой от ослепляющего дневного солнца, Карьер предстал перед ним в совершенно ином виде. Днем слабое свечение породы было абсолютно невидимым, растворяясь в ярком свете, но сейчас дно и срезы скал больше не были для Олега просто черными пятнами. Сквозь толщу камня пробивалось мягкое, пульсирующее голубоватое свечение, расчерчивая Карьер сияющей картой.

Он занял позицию на каменном выступе, нависая над площадкой погрузки. Светящийся объект теперь завис в сотне метров над карьером. С его днища на четырех тросах медленно пошел вниз огромный контейнер. Внутри него, держась за поручни, стоял человек.

Внизу один из надсмотрщиков тяжело споткнулся о камень, который для Олега сиял как небольшой светильник. Охранник слепо ругнулся, шаря сапогом во мраке. Для надсмотрщиков Карьер по-прежнему оставался темной, враждебной ямой: они были абсолютно слепы к излучению породы, ориентируясь лишь на скудный круг света от своего факела.

— Выше! — заорал надсмотрщик с земли, задирая голову. — Выше держи, идиот!

Грузчик в контейнере не ответил. Он выхватил из-за пояса трубку, чиркнул ею, и в темноте вспыхнул ядовито-красный химический факел. Он описал им короткую дугу в воздухе — сигнал пилоту. Объект над ними дернулся и набрал высоту, замирая.

— Опять просели? — крикнул грузчик, когда контейнер мягко коснулся земли. — Почти в зону вошли, — надсмотрщик подошел ближе. — Забыл, что тут с электроникой бывает? Сгорит нахрен твой летун вместе с посудинкой.

Они начали вдвоем накидывать тросы на полный контейнер, стоящий рядом. В глазах Олега этот полный ящик пылал, словно был доверху набит тлеющими углями, но рабочие возились с ним как с обычным мертвым щебнем. Каменная чаша Карьера сработала как идеальная линза: каждый звук, каждое слово шепота отражалось от стен и летело прямо к позиции Олега.

— Что, тихо у вас? — спросил грузчик, затягивая крепление.

— Если не считать утреннего доходяги, то да, — буркнул охранник.

— А что с ним?

— Породой привалило. Глыба — в полтонны. Должно было в лепешку, а он встал и пошел.

— Врешь.

— Клянусь. Мы его сразу домой отправили. Чтобы остальные не видели, как он заживает.

— Это зачем еще?

— Ты дурак? Если остальные поймут, как это место их лечит на самом деле, их ни один забор не удержит. Секретность — наше всё.

— И что с ним теперь?

— Вкатили ему двойную дозу стандартных блокаторов. Тех самых, что мы им под видом витаминов каждый день скармливаем.

— Думаешь, удержит?

— Должно. Главное — глушить их организмы таблетками, пока они не поняли, что Карьер делает их сильными и неуязвимыми. Если он завтра не встанет — значит, блокаторы работают. А если встанет... тогда у нас проблемы.

Грузчик запрыгнул в контейнер прямо поверх камней. Снова вспыхнул химический факел, давая сигнал на подъем. Контейнер, сияющий внутренним светом, плавно ушел в ночное небо, оставляя Карьер во мраке.

Олег осторожно спустился чуть ниже по выступу. Под ногами валялась россыпь отколотой породы. Он наклонился и поднял с земли маленький камешек, который едва заметно пульсировал мягким светом в его широкой мозолистой ладони.

— Что в тебе такого? — тихо произнес Олег, пристально глядя на загадочный осколок.

Он сунул камень глубоко в карман куртки. Теперь у него было не только доказательство, но и ясное понимание всей картины. Ему нужно было выиграть время, чтобы обдумать дальнейшие шаги. Решение пришло само собой: он будет имитировать тяжелейшую болезнь, лежать в своем бараке и ни в коем случае не выдаст им, что его умственные способности полностью восстановились. Пусть думают, что их двойная доза блокаторов делает свое дело.

Вернувшись в свой темный барак, Олег подошел к столу и нащупал оставленную Захаром таблетку. Он взял таблетку и смыл в канализацию. Затем он лег на кровать. Как только Олег закрыл глаза, реальность мгновенно поплыла, и пошли видения.

Тьма разорвалась ослепительными вспышками. Тишину сменил вой сирен и нарастающий грохот.

Мир исчез, сменившись заревом пожаров над городом.

Глава 11. Маршрут во мраке

Глава 11

Выход из здания полицейского управления напоминал побег с тонущего корабля. Когда Сергей и Кристина оказались на улице, было уже поздно — на город окончательно опустилась ночная темнота.

Офицер коротко указал на заведенный патрульный седан, замерший у крыльца с включенными проблесковыми маячками. Синие и красные блики бешено плясали на пыльном асфальте и напряженных лицах людей в толпе.

— Оставляем здесь, — Сергей кивнул на их машину, припаркованную у края служебного тротуара. — На полицейской парковке будет безопаснее.

Кристина молча кивнула. Они быстро перебросили рюкзаки в патрульную машину. Сергей в последний раз оглянулся на их кроссовер и с глухим стуком захлопнул дверь полицейского авто.

— В институт. Живо, — бросил он водителю.

Машина рванула с места, взыв сиреной. На передней панели не умолкая трещала рация. Сквозь помехи прорывалась пугающая картина: внешние эшелоны ПВО на подступах к области были окончательно перегружены. Противник применил тактику истощения, запустив плотные рои дешевых беспилотников вперемешку с крылатыми ракетами. Внутренний контур обороны столицы вел бой уже в городской черте.

Небо над проспектами расцвело вспышками. Где-то совсем рядом загрохотали зенитные пушки. Кристина инстинктивно пригнулась, когда над крышами с надрывным гулом пронесся дрон, тут же рассыпавшийся огненными брызгами после прямого попадания. Земля вздрогнула — один из прилетов пришелся по соседнему кварталу.

К институту они подкатили по пустой, усыпанной битым стеклом улице. Огромное здание казалось мрачным бетонным склепом. Эвакуация завершилась, внутри не горело ни одно окно.

— Ждите здесь, — бросил Сергей патрульным.

Они подбежали к служебному входу. Сергей приложил большой палец к стеклянному прямоугольнику сканера. Секунда тишины — и панель коротко пискнула зеленым.

— Личность подтверждена. Сергей Алексеевич, доступ разрешен, — бесстрастно произнес голос системы. Профессор позаботился о том, чтобы заранее загрузить их биометрические данные в локальную сеть.

Внутри коридоры встретили их гулкой тишиной. От каждого взрыва снаружи здание едва заметно вздрагивало, и с потолка под тусклым светом редких аварийных ламп сыпалась пыль. Вокруг царил хаос бегства: разбросанные по полу документы, перевернутые стулья.

Они шли быстро. Знакомые стены били по нервам вспышками памяти. Кристина на секунду замедлила шаг у высокого витражного окна. Именно здесь, десять лет назад, Сергей неуклюже пригласил её на первое свидание, угощая кислым кофе из местного автомата. Они миновали аудиторию, где когда-то тайком переписывались на полях одной тетради. Эти живые образы в мертвых стенах заставляли сердце биться чаще.

Спуск в подвальный уровень прошел в молчании. У гермодверей спецхрана Сергей снова приложил палец к сканеру, и тяжелые створки плавно разошлись. В центре пустого бункера на металлическом столе стояли два кейса. Кристаллы турмалина были упакованы и готовы к перевозке.

— Забираем. Пошли.

Когда они вышли из здания, город уже по-настоящему горел.

Полицейский седан гнал по встречной полосе, огибая брошенные машины и толпы мечущихся людей. Вой сирены тонул в непрерывном гуле разрывов. Небо над крышами спальных районов окрасилось в багровый цвет. На одном из перекрестков Сергей увидел, как горит торговый центр — пламя вырывалось прямо из стеклянного купола, осыпая улицу дождем из раскаленных осколков. Кристина сидела рядом, вцепившись побелевшими пальцами в ручку двери, ее взгляд безотрывно скользил по разрушениям. Осознание того, что это не локальный прорыв обороны, а нечто гораздо более страшное, накрывало их с каждым пройденным кварталом. Водитель резко вывернул руль, чудом уворачиваясь от искореженного остова сгоревшего автобуса, и вылетел на объездную трассу, вдавив педаль газа в пол. Спустя двадцать минут безумной гонки впереди показались бетонные заграждения и слепящие прожекторы КПП.

Военный аэродром встретил их жестким порядком и ревом прогреваемых турбин. Выданные в полиции спецпропуска с высшим приоритетом работали безотказно, пропуская их через все армейские кордоны. База функционировала в режиме светомаскировки, а по периметру непрерывно работали зенитные комплексы, отбивая атаки беспилотников.

У опущенной рампы военно-транспортного самолета их ждал полковник Заступов. Он выглядел изможденным, его лицо посерело от напряжения.

— Слушайте внимательно, времени в обрез! — жестко заговорил Заступов, почти крича, чтобы перекрыть гул. — Профессор был прав. Каждое слово. Космическое агентство проспало угрозу — их приборы физически не видят ваш спектр энергии. Всё официально списали на помехи и закрыли тему.

Заступов махнул рукой в сторону открытого нутра самолета, залитого тусклым красным светом тактических ламп.

— Я вписал вас в полетный лист этого борта. Самолет идет на базу «Северная». Я связался со своими людьми: по прилету прямо на взлетной полосе вас будет ждать запрограммированный внедорожник. Ключи будут в зажигании. Дальше — сами.

— Спасибо, — коротко кивнул Сергей.

— Удачи. Живо на борт! — Заступов крепко пожал ему руку.

Внутри грузового отсека царил тревожный багровый полумрак — дежурное освещение не слепило глаза и скрывало борт с воздуха. Они едва успели занять места на жестких откидных сиденьях и пристегнуться, прижав к себе кейсы, как аппарель с воем закрылась.

Многотонная машина с надрывным ревом оторвалась от земли, едва не зацепив шасси раскуроченный бетон. Сергея и Кристину с силой вжало в сиденья. Когда транспортник заложил крутой вираж, резко набирая высоту, Сергей посмотрел в небольшой иллюминатор.

То, что он увидел, заставило его затаить дыхание. Огромный мегаполис, раскинувшийся внизу, был покрыт кровоточащими язвами пожаров. Огненные артерии проспектов пульсировали от новых разрывов, высотные здания дымились, словно исполинские факелы, а в черном небе непрерывно вспыхивали новые росчерки ракетных трассеров. Зрелище пугало своей методичностью — город планомерно стирали с лица земли. Кристина придвинулась ближе, бросив взгляд в окно, и тут же зажмурилась, отвернувшись. Только сейчас, глядя с высоты на бесконечный полыхающий горизонт, они по-настоящему осознали: то, что началось сутки назад, не оставит от прежнего мира камня на камне.

Полет длился несколько часов в давящем молчании, нарушаемом только ровным гулом турбин. В иллюминаторах была лишь бесконечная ночная мрень. Наконец, самолет начал снижение. Под крылом вместо огней мегаполиса замелькали густые черные массивы лесов.

Транспортник коснулся полосы на затерянном в глуши военном аэродроме. Здесь было пугающе тихо — ни отсветов пожаров, ни звуков канонады. База соблюдала строжайший режим светомаскировки: ни единого прожектора, лишь тусклые, узконаправленные маркеры

посадочной глиссады, которые пилоты выхватывали через приборы ночного видения. Самолет не стал глушить двигатели, оставаясь готовым к немедленному взлету.

Как и договаривались с Заступовым, их уже ждали. Едва тяжелая аппарель опустилась на бетон, к транспортнику бесшумно подошла группа встречающих. У края темной полосы стоял абсолютно новый внедорожник — массивный, угольно-черный, в гражданском исполнении, но с характерными военными номерами. В ночном мраке его кузов казался глухим и матовым, и лишь слабые красные лучи тактических фонарей в руках офицеров на мгновение выхватывали свежий лак на дверцах.

— Ключи в зажигании, бак полный, — тихо, стараясь перекрыть гул турбин, бросил офицер, передавая Сергею пакет с документами. На лицах встречающих читалось лишь желание поскорее закончить разгрузку и убрать борт с открытой полосы — их совершенно не касалось, куда и зачем направляются эти двое.

Сергей запрыгнул за руль, Кристина бросила кейсы на заднее сиденье и скользнула рядом. Салон пах новой кожей и дорогой электроникой. Как только двери захлопнулись, отрезая их от внешнего мрака и шума, Сергей повернул ключ в замке зажигания. Приборная панель оживила, заливая кабину холодным светом. Широкий экран навигатора засветился в ночном режиме.

— Спутники лежат, — Сергей глухо выругался, постучав пальцем по пустому полю экрана. — GPS не видит, где мы, так что вести нас по карте он не сможет.

— Зато оффлайн-карты в системе есть, — Кристина быстро защелкала по дисплею — Сейчас... я вручную задам наш аэродром как точку старта и вобью координаты цели. Смотри, маршрут проложился! Карта остается статичной, но здесь есть функция «маршрутный лист».

— Показывай, — Сергей присмотрелся к экрану.

Система выдала длинный текстовый список: «Прямо 12.4 км», «Поворот направо — просека 4», «Прямо 8.2 км».

— Отлично, — кивнул он. — Это наш шанс не пропустить повороты в этой тьме.

— Ты следишь за километражем? — спросила Кристина, сосредоточенно глядя на экран.

— Да, я как раз скинул суточный пробег на ноль. Видишь одометр на приборке? — он указал на светящиеся цифры. — Теперь погнали. Твоя задача — сверять список навигатора с моим пробегом. Как только увидишь, что до нужной отметки осталось метров пятьсот — сразу командуй.

— Поняла, — она вцепилась в край панели. — Первый отрезок — двенадцать километров четыреста метров. Дави на газ.

— Иду на двенадцати, — Сергей вывел машину с территории базы на узкую асфальтированную нитку.

— Пять километров... семь... — диктовала Кристина, не сводя глаз с цифр. — Скоро будет первый поворот. Восемьсот метров осталось. Сбрасывай скорость!

— Вижу указатель, — Сергей резко вывернул руль, и внедорожник плавно нырнул на лесную дорогу. Мощные фары выхватили из темноты бесконечные стволы деревьев. — Говори следующей отрезок.

— Прямо восемь километров двести метров, — отозвалась она.

Внедорожник мчался сквозь стену леса. Ощущение реальности происходящего начало медленно размываться, словно сам воздух в машине становился густым и тягучим, а свет приборной панели — слишком ярким, нестерпимым...

Сон о кожаном салоне и светящихся экранах еще стоял перед глазами, но реальность 2600-х годов уже заявила о себе грубым грохотом. В самодельную деревянную дверь его жилища били чем-то тяжелым, отчего щепка летела прямо на пол. Снаружи послышался властный окрик, и, не дожидаясь ответа, дверь с треском распахнулась, впуская внутрь холод раннего утра.

Рассудок, больше не скованный дурманом блокаторов, мгновенно прояснился. Олег заставил свое тело обмякнуть, придал лицу выражение изможденной покорности и остался лежать в кровати.

Глава 12. Тайны скрытого монолита

В проеме показался Захар. Бригадир вошел по-хозяйски, держа в руках небольшую упаковку еды и неизменную белую таблетку.

— Вставай, копатель, — голос Захара гулко разнесся по пустому дому. — Пайку принес.

Олег медленно, с видимым трудом повернул голову. Его взгляд был мутным, несфокусированным.

— Захар... — прохрипел он, не делая попытки сесть.

Бригадир подошел к кровати, бросил упаковку на край монолитного выступа стены и протянул таблетку. Он прищурился, вглядываясь в лицо Олега.

— По поводу вчерашнего разговора, — тихо, но жестко произнес Захар. — Ты бы лучше не лез в дела надсмотрщиков, парень. Целее будешь.

Олег моргнул. На его лице отразилось мучительное усилие, словно он пытался понять сложную фразу.

— Да я и не лезу... — пробормотал он, растягивая слова. — Что высоко туда... Зачем мне лезть туда? Я лестницы деревянные не люблю, они скрипят... страшно. Я внизу лучше. Там камни.

Захар еще мгновение смотрел на него, затем напряжение в его плечах исчезло. Он едва заметно усмехнулся.

— Ну и хорошо. Значит, отпустило тебя. Так лучше всем будет, — он кивнул на упаковку. — Ешь и глотай лекарство.

Олег потянулся к таблетке дрожащей рукой, но тут же бессильно уронил ее на одеяло.

— Ты извини, Захар... мне совсем хреново сегодня. Подняться не могу, голова гудит. Вряд ли за сегодня очухаюсь. Скорее всего, и завтра валяться буду... худо мне.

Захар равнодушно пожал плечами.

— Болей, раз прижало. Только учти, днем меня здесь не будет. Хорошо хоть, что тебе вообще пайку утром и вечером выдают, раз валяешься тут. Лежи, раз немощный такой.

Он развернулся и вышел, с силой захлопнув за собой скрипучую деревянную дверь. Олег замер, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Когда в поселении воцарилась тишина, он сел на кровати. Вся показная слабость исчезла.

Он огляделся. С ясным умом его жилище предстало перед ним в новом свете. *«Господи, как я вообще мог здесь существовать?»* — пронеслось в голове. Стены покрывал густой слой жирной копоти, по углам цвела черная плесень. Воздух казался тяжелым, пропитанным сыростью и застарелым потом. Оставаться в этой грязи ему было физически противно.

Олег поднялся и подошел к углу, где лежала его старая куртка. *«Рвать нельзя, — одернул он себя. — Новую выдадут только через год. А донашивать чьи-то лохмотья я не собираюсь»*. Он аккуратно свернул куртку, превратив ее в подобие массивной губки.

Он подошел к зоне, заменявшей ванную. Раковина представляла собой плавное углубление прямо в монолите. Вода бежала из изящного монолитного выступа. Олег усмехнулся своим мыслям: *«Каменная вена... надо же было местным так это назвать. Молятся на кусок водопровода»*.

Он обильно смочил куртку и с силой провел по ближайшей панели. Грязь поддалась не сразу, пришлось приложить немало усилий и как следует потереть, чтобы содрать этот многолетний въевшийся панцирь.

Но когда он смыл копоть, то тут же замер. *«Что за черт?»*

Олег ожидал увидеть под грязью грубый шершавый камень или крошащийся бетон. Но то, что проступило сквозь сажу, не имело с ними ничего общего. Поверхность была идеально

гладкой. Олег осторожно провел по ней ладонью. *«Ни одного шва. Ни единого стыка. Стена просто... перетекает в пол? И она не холодная. Это вообще не камень».*

Но больше всего его поразил цвет. Под вековой грязью скрывался глубокий, мягкий пастельный оттенок. Олег озадаченно потер лоб. *«Кто в здравом уме стал бы строить дома из такого сложного материала? Это же не бараки, это... это похоже на какой-то дизайнерский проект».*

Охваченный азартом, он принялся отмывать дом дальше. Оттирая сплошной участок поверхности в гостиной, он заметил прямоугольный контур. В правом нижнем углу виднелась четкая, вплавленная в материал гравировка: *«Project Genesis. Model 4-B. 2154 г.».*

«Значит, две тысячи сто пятьдесят четвертый...» — подумал Олег, проведя пальцем по буквам. — *«Оставлю на потом. Сначала закончу с грязью».*

Самым тяжелым оказался пол. *«Мы же годами заходили сюда прямо в рабочих ботинках, месили эту грязь изо дня в день»*, — с отвращением думал он, отскабливая спрессованный, как асфальт, панцирь из земли и каменной пыли.

Отмывая широкий проем между гостиной и спальней, он вдруг зацепился курткой за край. Олег присмотрелся. Вертикальная ровная щель. *«Слишком идеально для трещины в перекрытие».*

Мозг, вспомнивший логику нормального мира, мгновенно распознал конструкцию. Он выковырял щепкой мусор с края и с усилием потянул на себя скрытую панель. Из панели высунулась узкая кромка двери.

«Ну конечно. Скрытая раздвижная дверь», — усмехнулся он про себя. — *«Местный мозг, отупевший от кайла и блокаторов, просто не способен осознать, что стена может двигаться. Для них это была просто щель».*

Олег заглянул вверх проема. *«Опорного рельса внизу нет. Значит, подвесная система. Но туда пальцами не подлезешь».* Он провел рукой по верхней части рамы, нащупал едва заметный стык и с силой надавил. Узкая горизонтальная панель-наличник тихо щелкнула и откинулась вверх, как крышка рояля, открывая идеальный доступ к скрытым роликам и направляющему треку.

«Умно». Он встал на цыпочки, вычистил забитый пылью трек, а затем взял плоску с животным жиром и густо промазал механизм. После пары рывков дверь плавно и почти бесшумно выкатилась из проёма, полностью перекрывая проем. Таким же образом он вернул к жизни остальные двери.

Спустя несколько часов дом преобразился. Олег сильно устал от этой многочасовой изнурительной работы, но результат того стоил. Он стянул с себя грязную рабочую обувь и осторожно ступил босыми ногами на отмытый пол.

«Господи, как же хорошо...» — он почти с наслаждением прошелся по комнате, чувствуя приятную, гладкую поверхность, а не каменное крошево. Пространство, разделенное дверями, больше не казалось пугающе огромным и пустым.

Олег без сил опустился прямо на чистый пол, прислонившись спиной к монолиту.

Мысли вернулись к гравировке. *«Две тысячи сто пятьдесят четвертый год...»* — он прикрыл глаза, пытаясь осознать масштабы. — *«Этот дом простоял здесь века. И всё это время мы спали в грязи, не понимая, что находится вокруг нас».*

Внезапно он нахмурился, заново прокручивая в голове образ очищенной надписи. *«Подожди-ка. Когда я отмывал год, там, кажется, было что-то еще. Совсем мелко, прямо под цифрами».*

Олег поднялся и подошел к стене. Присмотревшись к участку с гравировкой, он стер остатки влаги рукавом и взгляделся. Под надписью *«Project Genesis. Model 4-B. 2154 г.»* виднелся едва заметный значок круга и короткое слово:

«PUSH»

«Нажать... Ну конечно». Олег приложил ладонь к центру круга и плавно перенес вес тела вперед, нажимая на панель.

Глава 13. Пробуждение «Genesis»

Панель поддалась с мягким щелчком. Она плавно ушла на пару сантиметров вглубь монолита и бесшумно съехала в сторону. Внутри открывшейся ниши Олег увидел текст. Это была краткая инструкция, и последний абзац привлек его внимание:

«Для инициализации системы поместите элемент "Активный минерал" (рекомендуемый объем ~1 см³) в приемный слот и нажмите клавишу активации».

Под текстом располагалось квадратное углубление, а рядом с ним — обычная кнопка.

Олег задумался. «Активный минерал»... В памяти всплыл осколок породы, который он принес из Карьера. Ночью камень светился. А что, если это и есть тот самый минерал? Догадка была чистой воды интуицией, но попробовать стоило.

Олег подошел к кровати, достал припрятанный осколок и вер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.